

ТЕОРИЯ «МОРАЛЬНОГО РЕАЛИЗМА» И ВОПРОС ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКО-КИТАЙСКОГО СОЮЗА

Аннотация

Статья рассматривает развитие российско-китайских отношений с точки зрения теории «морального реализма» Янь Сюэтуна. В статье приводится описание данной теории и ее основных элементов, а также аргументы Янь Сюэтуна в пользу изменения принципа незаключения союзов во внешней политике Китайской Народной Республики. Также статья рассматривает вопрос вероятности и необходимости заключения союза между Россией и КНР.

Ключевые слова: Янь Сюэтун, моральный реализм, международные отношения, китайская внешняя политика, российско-китайский союз, российско-китайские отношения.

Автор

Оганесян Арусяк Левоновна

Ассистент кафедры сравнительной политологии
Российского университета
дружбы народов
(Москва, Россия)

В российской политической науке растет интерес к незападным теориям развития международных процессов. В связи с растущим весом КНР в мировой политике отмечен также интерес к теориям международных отношений Поднебесной. В российских публикациях о китайских теориях международных отношений в основном уделяется внимание трем направлениям китайской современной школы международных отношений: направление политического реализма во главе с Янь Сюэтуном и его теорией «морального реализма»; направление во главе с Чжао Тиняном и его теорией «Тянься»; направление конструктивизма во главе с Цинь Яцином и его «теорией отношений». При этом, как отмечают П.А. Цыганков и Е.Н. Грачиков, среди китайских теоретиков более популярен конструктивизм [4. — С. 9]. Однако в последнее время немалое внимание привлекает китайская школа

теории международных отношений, основанная на политическом реализме, которую возглавляет глава Института международных исследований университета Цинхуа Янь Сюэтун (阎学通).

Теория «морального реализма» и необходимость заключения союзов

Янь Сюэтун выдвинул теорию «морального реализма». Он утверждает, что самая большая полемика в международных отношениях сегодня заключается в отношениях между Китаем и США, в частности, в вопросе о том, превратится ли конкуренция между этими двумя странами в катастрофу и приведет ли рост Китая к столкновению с США. Второй вопрос касается того, может ли Китай стать новой сверхдержавой мирно. Третий вопрос: будет ли Китай вести себя как исторический гегемон или станет новым типом гегемонии. Янь Сюэтун говорит, что

война между КНР и США невозможна, так как есть фактор ядерного оружия. В противостоянии между Китаем и США насилие — не основной способ [6]. Это поединок, в котором победителем станет тот, кто сможет увеличить свою внутреннюю мощь, при этом поддерживая соответствующую внешнеполитическую стратегию. Мощь основана на силе, главным образом — военной силе. Увеличивая свою силу, Китай должен уделять больше внимания повышению авторитета (权威 цюаньвэй), чтобы международное сообщество добровольно приняло руководство Китая [13].

Янь Сюэтуン выступает за то, чтобы Китай не стремился стать очередным мировым гегемоном, как США. Он выдвигает идею «гуманной власти» (humane authority) как альтернативу гегемонии. Согласно древнекитайскому философу Сюнь-цзы, существует три типа лидерства: тирания (тип лидерства, основанный на военной силе), гуманная власть (humane authority) (тип лидерства, который стремится выиграть сердца и мысли людей дома и за рубежом), гегемония (тип лидерства, который находится между первыми двумя; не обманывает своих союзников, но использует насилие против тех, с кем не состоит в союзнических отношениях) [7].

Все три вида международного лидерства основаны на военной мощи. Разница заключается в их моральности и в принципах, которые управляют их поведением. США — типичный гегемон. Для их внешней политики характерны двойные стандарты: гегемон относится к своим друзьям по принципу представленных им норм, а с врагами имеет дело по принципу политики силы (power politics). «Гуманная власть» судит страны по тому, правильно ли они поступают согласно международным нормам, а не по отношениям с этими странами. «Гуманная власть» судит по принципам и единогласным критериям [6]. Сейчас таких стран на между-

народной арене нет, но Янь Сюэтуン верит, что Китай должен стать таким государством.

Для «гуманной власти» чрезвычайно важна надежность (credibility), которая отражается в том, что государство-лидер держит свои обещания и что его действия соответствуют его словам. Сегодня в Китае идут дебаты о том, стоит ли Китаю отказаться от принципа незаключения союзов, основным условием которого является не давать никаких обещаний. Но Янь Сюэтуン считает, что если не давать обещания, не будет возможности доказать свою надежность [6].

Янь Сюэтуン утверждает, что Китай, безусловно, должен стремиться к мировому лидерству, и в дополнение к увеличению государственной комплексной мощи предлагает больше внимания уделять формированию союзов. США являются страной с наибольшим количеством союзников — в настоящее время более 40. Напротив, Китай следует принципу неприсоединения и не имеет официальных союзников. Отсутствие союзников, по мнению Янь Сюэтуна, стало серьезным препятствием для усилий Китая по улучшению стратегических отношений с соседними странами. Если бы Китаю удалось скорректировать принцип неприсоединения, он смог бы увеличить число стратегических союзников, что привело бы к изменениям в международных конфигурациях во благо Китая [9. — С. 232].

Желание Китая добиться мирового лидерства и желание США сохранить свою нынешнюю позицию — игра с нулевой суммой. Это битва за умы и сердца людей, в которой победителем выйдет тот, у кого будет «гуманная власть» [7]. Согласно второму из «четырёх выводов морального реализма», о которых пишет Янь Сюэтун в статье «Политическое руководство и перераспределение власти»: «Природа власти как игры с нулевой суммой приводит к структурным конфликтам между

возвышающимся государством и доминирующим государством, а также к системному давлению на возвышающееся государство», потому что оба находятся в погоне за ведущую позицию в мире. Возвышающееся государство должно столкнуться с дилеммой подъема, а именно: расширение его международного влияния вызовет больше стратегического давления как со стороны доминирующего государства, так и со стороны тех государств, с которыми у него конфликтующие интересы [8. — С. 4]. В таких условиях союзы необходимы КНР.

Янь Сюэтуан критикует политику китайского правительства, которое нацелено лишь на экономическое развитие. После распада СССР в Китае появилась концепция «комплексной мощи» (综合实力 цзунхэ шили), и до сих пор преобладает мысль о том, что комплексная мощь основывается на экономической силе. Однако понимание статуса государства и международных событий с точки зрения экономической мощи не может объяснить многие международные явления, поэтому для объяснения причин этих явлений необходимо создать новую теорию. Такой теорией может стать «моральный реализм», который рассматривает международные отношения с точки зрения властных отношений. Согласно теории, власть является важнейшей составляющей национальных интересов [13].

Для того, чтобы соответствовать своему международному статусу, Китай должен взять на себя международную ответственность, соответствующую его статусу второй крупнейшей державы мира, в том числе обязанности в области безопасности. В анархической международной системе основной интерес малых и средних стран заключается в обеспечении безопасности. Если Китай не станет уделять достаточного внимания их основным интересам, не сможет получить поддержку большинства стран [13].

Дэн Сяопин в свое время дал направление китайской внешней политике в виде «стратегии в 24 иероглифах», однако некоторые пункты этой стратегии, в частности пункт, в котором говорится о необходимости «вести себя сдержанно», устарели [6]. Решение китайского правительства в 1982 году принять принцип неприсоединения было правильным в свое время. Сегодня Китай стал второй по величине страной в мире, и принцип неприсоединения больше не соответствует интересам Китая. Главным препятствием на пути отказа от этого принципа является то, что на протяжении многих лет правительственная пропаганда все время критиковала союзы как менталитет холодной войны [10].

Будущее российско-китайских отношений — возможен ли российско-китайский союз?

Среди стран, с которыми КНР следует заключить союз, Янь Сюэтуан отмечает Россию. Однако мнение Янь Сюэтуана о необходимости заключения китайско-российского союза не находит поддержку среди большинства китайских исследователей. Как отмечает Матье Душатель, возможность заключения договора о союзе с Россией стала темой негласных обсуждений во внешнеполитических дебатах Китая после взаимных визитов глав КНР и РФ, для участия на двух военных парадах 2015 г. Фу Ин выступает против описания нынешнего стратегического партнерства между Китаем и Россией как союза. Она отмечает, что Китай освоил уроки истории. В двадцатом веке каждый последующий китайский режим подписывал договор о союзе с Россией. Ни один из них не смог защитить или продвинуть жизненно важные национальные интересы Китая [5. — С. 3].

Чжао Хуашэн также напоминает о напряженности и стратегической конкуренции в прошлом. Нынешняя дружеская ситуация была достигнута пройдя

сквозь сложности, но, по его мнению, ничего не позволяет предположить, что она сохранится в долгосрочной перспективе. Чжао утверждает, что нынешнее состояние китайско-российских отношений лучше всего назвать «дружественным нейтралитетом» (友好中立, юхао чжунли). Партнерство имеет некоторые характеристики союза, и Чжао говорит, что существует определенная поддержка реального союза в стратегических сообществах обеих стран. Однако реальность заключается в том, что «гибкое партнерство» (弹性的伙伴模式, таньсин дэ хобань моши) служит интересам обеих сторон намного лучше, чем союз: такие отношения имеют меньше обязательств, а это означает, что легче разрешить разногласия [5. — С. 4].

Несмотря на существование ряда аргументов, говорящих против заключения союза между Россией и Китаем, заключение такого союза все же не исключено. Исследование развития российско-китайских отношений последних десятилетий дает основание утверждать, что отношения между странами могут кардинальным образом измениться на том или ином этапе своего развития. Таким образом, в течение ближайших десятилетий нельзя исключить ни заключение российско-китайского союза, ни, наоборот, ухудшение отношений партнерства между двумя странами. В свое время революционным считался и заключенный в июле 2001 г. **российско-китайский Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве**. Скосырев отмечал, что инициатором стала КНР, хотя прежде, руководство КНР ни с кем не заключало двусторонних соглашений общего политического характера, которые могли бы ограничивать свободу действий Китая. Китайские аналитики связывали перемену курса с долгосрочными планами экономического подъема, во имя ликвидации отставания от индустриальных держав и обеспечения плавного вхождения Китая в систему мировой экономики [3. — С. 2].

По мнению С.В. Уянаева, спустя 15 лет с момента подписания Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве речь идет о партнере, чей экономический вес и политическое влияние выросли многократно, который стремится не только отстаивать свои интересы в рамках собственных границ, но и полноценно участвовать в формировании и реализации мировой и региональной повестки дня в ее экономическом и политическом измерении [2. — С. 6]. Такое изменение ситуации и баланса сил за последнее десятилетие может повлечь за собой и изменение отношений между РФ и КНР.

А.В. Ломанов указывает на перемены в китайской политике, которые произошли после прихода к власти Си Цзиньпина, когда появилась новая концепция «дипломатии великого государства с китайской спецификой», которой не было во времена заключения китайско-российского договора. В Китае формируется новый контекст развития отношений с Россией. Текущую китайскую политику в отношении России характеризуют формулировки: «не создавать союз и процветать вместе», «заключать партнерство и не заключать союз». А.В. Ломанов обращает внимание на программный текст главы Комиссии по иностранным делам ВСНП Фу Ин «Китай и Россия — партнеры или союзники?», в котором автор напомнила о неудаче прошлых союзов Китая с царской Россией и СССР. Текст был предназначен для того, чтобы показать Западу, что Китай и Россия усвоили прошлые ошибки и больше не будут «склоняться в одну сторону» [2. — С. 11]. Статью Фу Ин можно считать отражением идей ведущего течения в китайской политике. Китай хочет развивать отношения с Россией, но делать это таким образом, чтобы не вызвать панической реакции в США и не повредить развитию китайско-американских отношений.

Как отмечал А.С. Давыдов, ситуация на планете существенно поменялась.

Россия и США вернулись к состоянию конфронтации. Китай продвигается в статус одной из ведущих глобальных держав. Устарел тезис о «взаимодополняемости и совместимости» экономик РФ и КНР. Также у КНР и РФ, при наличии схожести в позициях по основным международным вопросам, имеются серьезные расхождения по ряду ключевых региональных проблем. Так, у КНР есть свои подходы к решению некоторых проблем в Центральной Азии. Сложен поиск консенсуса по проблеме сопряжения китайского проекта Экономического пояса Шелкового пути с российским проектом Евразийского экономического союза. Двойственная позиция КНР по вопросу Крыма, как и лавирование в свое время по проблемам Абхазии и Южной Осетии, не вполне созвучны принципам и духу «стратегического партнерства» [2. — С. 12]. Чжао Хуашэн считает, что главное, что будет продолжать препятствовать тому, чтобы Россия и Китай стали союзниками, — это то, как они относятся к решению конфликтов с третьими государствами. Ясно, что ситуации в Украине и Южно-Китайском море не свидетельствуют о наличии безусловной взаимной поддержки [5. — С. 4]. Янь Сюэтуン спешит успокоить тех исследователей, которые отмечают наличие противоречий между Россией и Китаем. Он утверждает, что идея о том, что между союзниками не бывает противоречий, не верна, и противоречия являются естественным элементом отношений любых союзников [14].

Также Янь Сюэтуン считает, что уровень развития российско-китайских экономических отношений не может стать преградой на пути формирования союза. Близкое экономическое сотрудничество не является гарантом союзнических отношений и даже не исключает вражеские отношения. Напротив, обе страны могут экономически не сотрудничать, но все же могут стать военными союзниками [11].

Янь Сюэтуン отмечает две важные характеристики союза:

1. Основная цель союза — служить и защищать интересы союзников в их собственных странах, а не укреплять «дружбу» между странами. Фактически, являются ли две страны «друзьями» или нет, не имеет отношения к тому, являются ли они «союзниками».

2. Союз — всего лишь метод ведения дипломатии, который использовали правители на протяжении всей истории человечества.

Таким образом, по его мнению, причина того, что в прошлом Китай не использовал метод союзов, в том, что китайские власти ошибочно предполагали, что в основе союза лежат идеология и дружеские отношения, а не общие стратегические интересы [11].

Несмотря на аргументы Янь Сюэтуна, перспектива заключения российско-китайского союза все же вызывает опасение российских исследователей. Ставится под вопрос равноправность такого союза, имея ввиду растущие политические амбиции КНР. В книге «Россия и Китай: четыре века взаимодействия» под редакцией А.В. Лукина авторы рекомендуют избегать зависимости от одного лишь Китая в Восточной Азии, но воздерживаются от рекомендаций предпочесть другие страны. Предостережения Лукина связаны с переменами в китайском мышлении, где умеренность и скромность, рекомендованные Дэн Сяопином, уступают место идеологии «китайской мечты». Лукин считает, что данная идеология представляет угрозу для соседей Китая. Ужесточение риторики Пекина может подвергнуть стремление России к многополярному миру серьезному испытанию [1. — С. 186]. Авторы предупреждают, что более близкий союз сопряжен со многими потерями. Складывается впечатление, будто Китай настаивает на более тесных связях, тогда как Россия пытается отстоять в Азиатско-Тихоокеанском регионе свой

статус державы, ориентированной на баланс сил [1. — С. 188].

На основе вышеизложенного можно прийти к нескольким выводам. Во-первых, отношения между Китаем и Россией могут подвергнуться существенным изменениям в ближайшее время под влиянием изменения международной обстановки и, прежде всего, изменением статуса китайского государства на международной арене. Во-вторых, эти изменения могут быть как в сторону более тесного сотрудничества, так и в сторону ухудшения отношений в случае роста опасений России ростом влияния КНР. В-третьих, существует ряд причин, по которым заключение союза военно-политического характера между КНР и Россией является маловероятным, в том числе расхождение позиций обоих государств по ряду региональных проблем и возможный неравноправный характер

такого союза, учитывая политические амбиции Пекина.

Однако не стоит предполагать, что идеи Янь Сюэтуна о китайско-российском союзе являются фантастикой. Как профессор Янь отмечает в статье «Ядром китайско-российских отношений является стратегическое сотрудничество», не обязательно, чтобы союз принимал форму классического союзного договора. Президент России Владимир Путин также подчеркивает необходимость укрепления стратегического сотрудничества с Китаем. Поэтому Янь считает, что Россия готова к отношениям с Китаем, которые имели бы содержание союзнического характера, но не принимали бы форму союза. В конце концов уже сейчас в американских СМИ Китай и Россия часто упоминаются как союзники, несмотря на отсутствие договора о военном союзе между двумя странами [14].

Литература

1. Розман Г. Российские представления об отношениях с Китаем // Россия в глобальной политике. — 2013. — № 5 (Т. 11). — С. 183–189.
2. Российско-китайские отношения на современном этапе. Круглый стол в ИДВ РАН // Проблемы Дальнего Востока. — 2016. — № 4. — С. 5–43.
3. Скосырев В. Россия — Китай: мост в будущее // Азия и Африка сегодня: ежемесячный научный и общественно-политический журнал. — 2001. — № 9. — С. 2–5.
4. Цыганков П.А., Грачилов Е.Н. Проблема мирового порядка в китайской и российской политической науке: общее и особенное // Журнал «Политическая наука». — 2015. — № 4. — С. 22–39.
5. Duchâtel M. China and Russia: Towards an alliance treaty? // China and Russia Gaming the West? European Council on Foreign Relations. — 2016. — October. — P. 3–4.
6. Theory Talk #51: Yan Xuetong on Chinese Realism // Theory Talks. — 2012. — November 28. — URL: <http://www.theory-talks.org/2012/11/theory-talk-51.html> (дата обращения: 26.12.2017).
7. Yan Xuetong How China Can Defeat America // The New York Times — in print on November 21, 2011, Page A29. — URL: <http://www.nytimes.com/2011/11/21/opinion/how-china-can-defeat-america.html> (дата обращения: 26.12.2017).
8. Yan Xuetong. Political Leadership and Power Redistribution // The Chinese Journal of International Politics. — 2016. — Vol. 9 — № 1. — P. 1–26.
9. Yan Xuetong. The Shift of the World Centre and Its Impact on the Change of the International System // Springer — East Asia (2013) — Translated by Jin Ren. P. 217–235.
10. Восстановление добродетельного правления, формирование внутренней политики и дипломатии Китая // New York Times. — URL: <https://cn.nytimes.com/china/20160215/c15chinayan> (дата обращения: 26.12.2017).
11. Китай и Россия вместе реагируют на стратегическое давление со стороны США // 中国新闻周刊. — URL: <http://viewpoint.inewsweek.cn/detail-3018.html> (дата обращения: 26.12.2017).

12. Основное содержание китайско-российских стратегических отношений // 国际先驱导报
URL: <http://ihl.cankaoxiaoxi.com/2013/0326/183592.shtml> (дата обращения: 26.12.2017).
13. Уровень политического лидерства определяет успех или неудачу роста Китая // Xīn Ниа. — URL: http://news.xinhuanet.com/world/2016-01/13/c_1117763245.htm (дата обращения: 26.12.2017).
14. Ядром китайско-российских отношений является стратегическое сотрудничество // 中国产经新闻报. — URL: <http://finance.sina.com.cn/roll/20140519/014519145696.shtml> (дата обращения: 26.12.2017).